

## Новыя вѣянія въ драматической литературы.

(Продолженіе \*)

Это безотрадная, полная скрытаго драматизма жизнь молодого чюновника Илимова, принужденнаго изъ-за недостатка средствъ, не кончивъ университета, поступить на службу и женившася изъ-за юношескаго увлеченія на дочери буфетчицы того учрежденія, гдѣ онъ служитъ, двупикъ дурного воспитанія, крайне легкомысленной кокетки. Передъ вами — мелкіе семейныя непріятности, дразги, которыя вы видите и въ жизни на каждомъ шагѣ, непріятности по службѣ съ начальникомъ, молодымъ человѣкомъ, карьеристомъ, который преслѣдуетъ Илимова за бывшее раньше столкновение у нихъ изъ за 'ухаживаній' начальника, тогда еще сослуживца Илимова за его будущей женой. Пьеса кончается смертью Илимова отъ разрыва сердца, когда онъ узнаетъ, что жена его отдалась начальнику, чтобы добыть ему мѣсто и еще требуетъ отъ него за это благодарности. Все это изображено такъ жизненно, что забываешь, что сидишь въ театрѣ — на сценѣ сама жизнь тяжелая, неприглядная, безотрадная.

Самой яркой и талантливой пьесой этого «новаго» направленія, возбудившей много споровъ и толковъ была поставленная въ этотъ сезонъ въ Александринскомъ театрѣ комедія Чехова: «Чайка». Еще до ея представленія на генеральной репетиціи среди лицъ близко стоящихъ къ театру и даже среди самихъ актеровъ, игравшихъ въ ней были слышны самыя разнорѣчивыя толки о ней. Мнѣнія диаметрально раздѣлились — одни превозносили эту пьесу до небесъ, были отъ нея въ восторгѣ; другіе не находили словъ, какъ бы сильнѣе ее выбрать. Среди артистовъ В. Н. Давыдовъ и В. Ф. Комисаржевская стояли за эту

пьесу, а М. И. Писаревъ и А. И. Абаринова были противъ нея — явленіе, показывающее, что пьеса представляетъ изъ себя нѣчто во всякомъ случаѣ выдающееся. Большая ошибка автора и дирекціи была та, что эта серьезная пьеса была поставлена въ бенефисъ г-жи Левкѣевой, комической артистки. Понятно, на ея бенефисъ собралась публика поохотатъ, посмѣяться, которая вовсе не была расположена смотрѣть что-либо серьезное — пьеса показалась скучною и успѣха не имѣла, было слышно даже шиканье. Газеты какъ-будто обрадовались этому неуспѣху на сценѣ всѣми признаннаго литературнаго таланта и набросились на него съ площадною бранью, пасквилями и т. д. Только одинъ А. С. Суворинъ въ «Новомъ Времени»

далъ хорошій отзывъ о ней, гдѣ прекрасно оцѣнилъ ея внутреннія литературныя достоинства (хотя, конечно, очень кратко и ожато) — внѣшнее же ея строеніе, полное отсутствіе сценическихъ эффектовъ поставилъ въ упрекъ автору и объяснилъ его неопытностью. На 2-ое представленіе «Чайки» собралась очень интеллигентная публика и, хотя мнѣнія опять раздѣлились, но восторженные апплодисменты большинства совершенно заглушили раздававшееся кое-гдѣ шиканье.

«Чайка» — новое слово въ драматической поэзіи, смѣлый рѣшительный шагъ къ простотѣ и правдѣ на сценѣ. Въ задачу нашей статьи не входитъ подробная критика этой пьесы (хотя надо сознаться, что мы живемъ въ печальное время, когда совершенно отсутствуетъ серьезная театральная критика и ограничивается только зачастую пристрастными газетными рецензіями, что не можетъ не вліять на упадокъ театра) — постараемся только выяснитъ, какія ея особенности — новшества, противъ которыхъ такъ возстала критика и часть публики. Это, во первыхъ, совершенно вѣрное, правдивое до безпощадности изображеніе современнаго общества, потерявшаго всякіе идеалы, извѣрившагося во все и ставящаго на первый планъ только свое я, признающихъ только свои желанія — и это наша такъ называемая интеллигенція, — дѣйствующими лица-

\*) См. № 154 и 156 «Театра».

## Т Е А Т Р Ъ

ми въ комедіи являются: извѣстная артистка, извѣстный литераторъ, докторъ. И вотъ эти лица, этотъ «цвѣтъ интеллигенціи», достойные всякаго уваженія, даже благоговѣнія, какими они и являются для молодой, наивной чистой дѣвушки, живущей недалеко отъ имѣнія артистки, гдѣ происходитъ дѣйствіе, у большого озера, героини пьесы, которую авторъ такъ поэтично сравниваетъ съ чайкой, оказываются самыми обыкновенными, даже пошлыми людьми. Артистка—типъ эгоистки до мозга костей, думающая больше о своихъ костюмахъ, чѣмъ объ искусствѣ, хвастающая своимъ успѣхомъ—и въ добавокъ еще скупая, держащая въ черномъ тѣлѣ своего сына, молодого человѣка съ живою душой, не находящаго себѣ выхода, увлекающагося декадентствомъ, болѣзненнаго, нервнаго, впечатлительнаго, самолюбиваго. Громадная заслуга автора, что онъ, рисуя намъ этого представителя молодого поколѣнія, нисколько не умаляя слабыхъ, дурныхъ его сторонъ, не представляетъ его какимъ то вырожденкомъ, показываетъ въ немъ зрителю живую душу, стремленіе къ свѣту, къ добру, но это стремленіе, не встрѣчая сочувствія въ окружающихъ, заставляетъ его съ отчаянія бросаться въ разныя ненормальности, въ декадентство, и оно то и дѣлаетъ его болѣзненнымъ, слабымъ, неспособнымъ къ

къ жизни, къ борьбѣ—и онъ гибнетъ, какъ прекрасный цвѣтокъ на каменистой почвѣ. Его вялость, отсутствіе энергіи превосходно отбѣивается въ комедіи дѣятельностью, энергіей его матери, имѣющей крайне грубые и низменные цѣли и побужденія. Жизнь тяготитъ его, онъ не можетъ жить безъ поддержки, для чего онъ не достаточно силенъ, и при первомъ же ударѣ судьбы, при измѣнѣ ему любимой имъ дѣвушки онъ стрѣляется, но неудачно и вторично стрѣляется за сценой въ послѣднемъ актѣ, когда узнаетъ, что ему нельзя разсчитывать на ея любовь, такъ какъ она продолжаетъ любить другого. Тутъ его смерть неизбежна—ему нечѣмъ жить. Въ своей тоскѣ онъ находитъ облегченіе, какъ нервная натура, въ музыкѣ, и въ послѣднемъ актѣ нѣсколько разъ слышится за сценой его тоскливая музыка; про него говорятъ на сценѣ: «Костя играетъ; значитъ, тоскуетъ, бѣдный!»—И въ этихъ словахъ и въ игрѣ сказывается его настроеніе лучше, чѣмъ въ какихъ нибудь трескучихъ монологахъ, какими бы постарался уснастить эту роль всякій другой писатель.

Н. А. Ровскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

7-е-50-5 7-е-50-5  
 брѣно едѣ Р-ини (Россовскій)  
 3-е-40-10 3-е-40-10  
 Ассано-прогулка по  
 попарка.